

Юрий Аврех

СТИХИ
из Пражского Града

Санкт-Петербург
Свое издательство
2013

*В оформлении обложки использован рисунок
Т. Ф. Шимона*

Юрий Аврех. Стихи из Пражского Града. —
Санкт-Петербург: Свое издательство, 2013. —
126 с.

ISBN 978-5-4386-0151-7

© Юрий Аврех. Стихи из
Пражского Града. 2013
© Дмитрий Григорьев, предисловие
к книге, 2013
© Т.Ф.Шимон, обложка, 2013

ИМАДЖИНАРИУМ ЮРИЯ АВРЕХА КЛЮЧИ ОТ ПРАГИ

В детстве по вечерам, когда я один засыпал в полутемной комнате, меня завораживала тонкая полоска света, пробивающаяся сквозь дверную щель. Если кто-нибудь из взрослых проходил по коридору на полу играли тени. Глядя на отблески, на игру теней на полу, я представлял фантастические миры, где разворачивались самые невероятные истории. Свет обычной лампы неожиданно открывал двери в другое, сокрытое от обычного взора. Лишь через много лет я прочел у Платона аллегорическую историю о пещере, о мире реальном и мире идей. Для меня же не было никаких аллегорий, я просто чувствовал, что мир не ограничивается видимым — видимое глазами лишь часть гораздо большего, и даже самые простые вещи, окружающие нас, имеют не один, а бесконечное множество смыслов.

Выход за порог, соприкосновение с тем, что находится за дверью этой

реальности, у кого-то может снести крышу, а кого-то навсегда превращает в философа, поэта или художника. Я говорю не об умеющих рифмовать и умеющих рисовать — этому может научиться каждый, а о тех, кто по каким либо, порой неосознанным причинам, сумел заглянуть в бесконечность, но остаться здесь, стать ее отголоском, ее транслятором. Что же касается ключей, то ими может быть что угодно: психические травмы, магические практики, психоделики, наконец. Кому-то нужны учителя. Кому-то не нужно ни того, ни другого, ни третьего.

А еще есть места, где двери в иное открываются легче всего. Это могут быть и вершины гор, и гиблые болота, и внешне совсем неприметные «места силы». Но они притягивают ищущих, на этих местах строят храмы, вокруг них начинают расти города.

И еще есть города, всё существование которых определяется этой нечеловеческой, ангельской силой, и люди, живущие в них — часть ее. Эти города, на мой взгляд, определяют

структуру города-книги, который построил Юрий Аврех.

«Есть города, связь с которыми я чувствую очень сильно, — пишет он, — Иерусалим. Верхний Назарет (Нацарет-Илит). Прага. Петербург. И пятый город — Екатеринбург. Екатеринбург, славный поэтами и заводами славный, а кем больше славный, трудно сказать».

Прага — в центре его новой книги, остальное до и после Праги, но это «до» и «после» — очень условно, ведь время написания текста не всегда совпадает со временем его создания.

До Праги же — Петербург, осень. Город, где сумерки — обычное состояние. А сумерки, по словам народного мистика дона Хуана — трещина между мирами. Многие писали об этом городе, как о городе с множеством лиц, городе-обманке, созданном по образу Рима, но выросшем не естественно, а построенном вопреки природе. Даниил Андреев так описывал истинное лицо Петербурга: «Еще немного — цепи фонарей станут мутно-синими, и не громада Исаакия, а громада в

виде темной усеченной пирамиды — жертвенник-дворец-капище выступит из мутной лунной тьмы». Но это лишь одна сторона города, в котором я вырос, и который пророс в меня всеми своими болотными корнями. Но у Петербурга есть и другой полюс, и его ясно видит Юрий Аврех:

*...Но смерть отменяется. Ибо нет смерти.
Над градом осенним есть град золотой.
Когда распадутся цепи и сети,
Тогда открывается он пред тобой.*

Я хорошо представляю эту дорогу в Небесный Иерусалим, она тянется сквозь осенние клены и дубы Смоленского кладбища, над часовней Святой Блаженной Ксении, мимо криков ворон и медленного течения Смоленки, одной из множества рек — дорог судьбы на ладони святого Петра. И не «быть Петербургу пусту».

С другой стороны — Иерусалим. Не небесный, земной, но в каждом красном камне которого скрыты семена Золотого Града. В детстве Юрий не по своей воле долго жил в нем, жил эмигрантом, чужим, с острой мечтой возвращения в Россию:

*Ерусалимский первый снег,
Под новый год такой знакомый.
Для жителей – какой-то снег.
Для эмигрантов – снег из дома...*

Но через много лет, во время очередного возвращения из Екатеринбургa на Святую Землю, на Масличной горе происходит чудо. «Чудо невозможно описать. Свет Божественного мира нисходит на меня в тот день. И чувство такого счастья, что я рыдаю. Счастья после боли, счастья после отчаяния. Ничто не имеет значения. Только присутствие этого невыразимого света. В ауре, в ореоле света, обычные человеческие представления о правильном и неправильном непредставимы».

И, наконец, третий город, ставший сердцем этой книги — Прага.

*Прага – это порог. И не только Прага.
Молитва тоже порог и порог – бумага,
Вмещающая в себя то, что вместить
не может,*

*Но, расширяясь вглубь измерений, то,
что сумеет – сложит.*

И раскроет смыслы. Но позже.

А мы уходим...

О мистической Праге написана не одна книга, рассуждения на эту тему стали уже своего рода дурным тоном, туристам показывают, где жил рабе Лев и чердак, на котором он разрушил Голема, цитатами из Кафки пестрят улицы, и даже Агасфер по воле Аполлинера ведет здесь жизнь празднующегося по кабачкам туриста. Но даже вся эта внешняя мишура — отражение действительных ангельских и дьявольских глубин скрытых в этом городе-пороге, пороге между культурами христианской и иудейской, католической и протестантской, западной и восточной, городе-пороге между миром явленным и сокрытым.

Цветаева здесь встретила своего каменного двойника из прошлого, Аполлинер испытал нечто схожее, Майринк облек в литературную плоть один из самых известных пражских мифов, и Голем с той поры шествует по всему миру, взрывая мозги миллионам читателей и зрителей, великий Кафка жил этим городом, любил и ненавидел его...

*От Густава Майринка и Ангела
западного окна*

*До Градчан, в которых звучат грачи,
У кого-то свое вино, у кого-то своя вина,
У кого-то от Праги своей ключи.*

Аврех тоже нашел эти ключи от своей Праги, где стены собора святого Витта «пылают свечами, Прошлое с будущим соединяя», а над городом небо ангелов и тихий снег падающий на улицы и площади уже не снег зовущий изгнанника, а знак Благой Вести.

Дмитрий Григорьев

**О МИРЕ ПРОЯВЛЕННОМ
И МИРЕ СОКРЫТОМ**

*Избранные стихотворения
2003 – 2013*

В холодном, ноябрьском небе
За гранями зла и добра
Рассыпались солью на хлебе
Все звезды мой друг до утра.
И музыка где то играет.
И грезится в небе Луна.
И ночь эта словно святая.
Молитвы возносит она.

Зимняя Роза в конце ноября
Снег на ее лепестках.
Снежинки едва над землей парят
И Прага при фонарях
Мерцает и кажется, что не спит.
И может быть правда не.
Под снегом белым тайны хранит.
И в красном горит вине.

Ночь пришла, и исчез замечательный день.
Отражается свет и везде и нигде.
Дым из трубки летит, молча звезды горят,
Распускается дым, словно косы наяд.
Это век золотой всех аллей сентября
Без царя в голове, вообще без царя.
Потому что ты здесь сам себе господин,
И свободен твой Дух — невредим и Един.
И любовь, нелюбовь остается в груди,
И светлейший поэт ждет тебя впереди.

14 мая 2006

Нарисуй, художник, такую картину:
Яблоки, лето, а также Марину
Сидящую. В руке у меня роза.
В комнату медленно летний воздух
Проникает, и запахи опьяняют.
Я почти счастлив. Разве такое бывает?
Смотрю на нее с застывшей в глазу слезой
За полчаса перед большой грозой.

Дождливым был лето.
Но не было бедой.
В нем было много света.
С водою дождевой.
И сумерки и тени.
И «истина в вине»
И веточка сирени.
И яблоня в окне.

Я помню какое. Лицо неземное.
Было в Софии твое.
Светом
Исполненное.

Открыта настежь дверь в страну чудес.
Апрельский воздух проникает в окна.
Такое волшебство, что можно высших
Существ увидеть в глубине небес.
Сказать спасибо, Господи, тебе
За то, что жив, за то, что снег растаял,
И над домами бело-сизой стаей
Взлетают в небо сотни голубей.
И стоит только руку протянуть,
До будущего чтобы дотянуться —
Так, ото сна глубокого очнувшись,
Услышать: птицы как бессовестно поют.

апрель 2003

Сострадание, нежность и радость —
Три волшебные грации, три.
Сколько в мире подобных осталось?
Оглянись, посчитай, посмотри.
Те, над кем потешаются люди,
Не умея любить и прощать,
Называют неправдою судьи
То, что сами не в силах понять.

Аз и АЛЕФ

I

Да. Не был последним я в списке имен,
Ибо — последний с начала
В списке, идущем с начала времен.
Алеф¹ во мне прозвучала.
В сердце и в имени Букв —
Алеф и Аз. Буки. Веди...
Музыки просят из рук
Непостижимой и меди.
Музыки ангельских Труб,
Музыки скрипок хрустальной,
Слова, слетевшего с губ, —
Музыки Первоначальной.

II

Да — в букве и в слове эфир.
Мир, раскрывающий в звуке.
Дом. Бытие². Это Мир
В новой и в древней науке.
Улица. Пух с тополей —
Снегом июльским на плечи.
А на пространстве аллей

1 Алеф: первая буква древнееврейского алфавита, обозначает начало. В мистической традиции – безграничную божественность..

2 Бытие – в данном прочтении буква Бет: обозначает сотворенный мир.

Божьего мира и речи —
Неизреченный поэт,
Скрытый под названным пухом.
В тунику просто одет,
Мир созидающий звуком.
Больше чем образ любой,
Он — за пределами слуха.
Неизмерима Любовь.
Его — за покровами Звука
Тайна легка и светла.
Вестник, читающий, Плавно
Ангелам нету числа —
В Сумме любви первозданной.

Сокрытый мир открыт и осязаем,
Когда на небе явственна гроза,
Где ангелы, сияя и мерцая,
Пронизывают дождь и небеса.
И на поля ложится дождь пресветлый,
И на полях уже цветут цветы.
Цикорий бирюзовый, слитый с белым,
Цветок ранимый — прочной наготы.

Осень на крыльях прозрачных спустилась,
Бабочкой светлой насквозь золотой.
В парках летала, и по небу плыла,
И наслаждалась самою собой.
Ветром в траве и листвой под ногами.
И при вечерней, зажженной звезде,
Вся отражалась она облаками,
Ивой, склоненной к холодной воде.

Ходит осень на цыпочках тихо,
Где не ходят ни Кант, ни Делез.
Отпустив на варенье клубнику,
Жизнь не может не видеть без слез.
И со светом и тенью играя,
Смотрит, щурясь, на солнечный свет.
Про любовь потайную читая,
И любви той прекраснее нет.

Осеннее действие. Солнцестояние.
И нимфы нагие стоят на посту.
Они рукотворны. Из гипса и камня.
На радость зевакам , что в летнем саду.
По белой дороге осеннего града
Блистательный Пушкин гуляет притом.
Погода чудесна, но в сердце досада.
И порохом пахнет жилет с табаком.
Под черною тростью багряные листья.
Под яростью черной небесные сны.
И жизни земной не державные письма.
Долги и расписки. И убыль луны
Но смерть отменяется. Ибо нет смерти.
Над градом осенним есть град золотой.
Когда распадаются цепи и сети
Тогда открывается он пред тобой.

Когда ангелы плачут, на земле идет дождь.
За шумом дождя не слышно машин,
Радость, печаль, снова радость, дрожь,
Все формы дождя составляют один.
Плывут облака над землей гурьбой,
Была гроза и прошла гроза.
Незримый мир — он всегда с тобой:
Закрой глаза и открой глаза...

У ЧАСОВНИ

К часовне имени святой
Матроны в Петербурге жившей.
За мрачно-сумрачной Невой.
Что просто не уместишь в вирши.
Холодным предвечерним днем.
Иду я с другом Александром
Оставив станцию метро,
За Александро-Невской лаврой.
И шумный город. Только мы.
Идем, где желтые аллеи.
Прохожих нет. И нету тьмы.
И небо в сумерках темнеет.
Я ставлю свечи на ветру
Под хмурым небом Петербурга.
Октябрь месяц. В сем краю.
Мир кажется другим. Без звука.
В часовне свет горит звездой.
Точнее звездами сквозь сумрак.
Не наступающей ночи.
И вдруг в молитве снег бесшумно.
Над непокрытой головой. Летит
став символом прощенья.
И сердце больше не болит.
А только грезится свеченье.
Свечей и света и тепла.
В трех окнах — витражах горящих.
Дорога, кажется, светла,
А истина не

проходящей.

29 октября 2010

Есть Истина, но не в вине.
Слова любви вполне простые.
И есть на этой стороне
Святыни. И живут святые.

Осень доходит до пика.
И опадает листвой.
Срезана словно гвоздика.
Запах отдавшая свой.
Словно духи парфюмера,
Словно сиянье с небес,
Словно десятая сфера,
Мир озирая окрест.
Осени с небом венчанье.
Сколько осенних даров.
Сколько любви с состраданьем.
Высших звенящих миров.

Выпей немного вина
В эти дождливые дни,
Выпив всю горечь до дна,
Даже если один.
«Господь тебя сохрани»
Вслух произнеси.

Кто направо идет, кто налево,
Хорошо одному и вдвоем.
Петербургское низкое небо
Землю жмет высотой и дождем.
Что же прячут за эти фасады?
Я не знаю, но можно мечтать
И дышать этим воздухом сада
Петербургского, летнего, надо,
Где легко и свободно дышать.
Может быть...

АВГУСТ 2008

В городе на Неве,
 две –
Или три, или сколько их там скульптур
С туристами стоящими на траве.
В летнем саду,
 и в нем до сих пор живет
Две тысячи восьмой, мой любимый,
 прошедший год.
Август, которому шлет привет
Нынешний год, говорит прошедшему
 и тебе привет.
Марина красное пьет вино, внутри
 бокала темно,
А на Душе светло. Фотовспышка.
 Марина, я разбил табурет
Об стену отельного номера,
 ты же знаешь, что я поэт.
Я смеюсь и плачу потому, что люблю тебя.
 Фотовспышка.
На фото теперь мы вдвоем и ты и я.
Момент до страдания, страданий момент
 далек.
По проспекту шагает Гоголь,
 он же Рудый Панек.
Марина, что там, вдали, птица
 или синица, или твоя печаль?
Отчего в глазах твоих слезы, вдали
 отпусти печаль,

пойдем на большой причал.
На моих висках нет еще снежного серебра.
Мы не будем спать, мы будем пить вино
до утра
Петербургского неба с легкой такой
тоской.
Август делает царственный жест рукой.
И плывут облака рекой, над Невой рекой.

10-11 июня 2013

Надо ли комментировать стихи?
Нет или да или нет или да?
Они говорят за себя сами.
Возможно, так говорил Йоханес Баадер
Обердада,
Которого я не читал стихи, манифесты,
письма, тома...
За моим окном дома, дома, дома...
Стихотворение это тоже, возможно, дом.
Двери откроем и в дом и в книжный
откроем том...
А за окном уже лето, цветут цветы...
В Девятнадцатом веке назвали б сей стих
«Мечты»,
В Двадцатом поставил бы три звезды.
А сейчас просто... Что знаешь,
что скажешь ты?

Ворон на Вышеграде
В клетке сидит, как герб
Габсбургов. Чего ради
Пленника ест он хлеб?
В клетке сидит стекольной,
Габсбургов «дом» храня.
Больно же птице вольной
Пленником быть. Меня
Ворон узнал. Откуда?
Я подошел к нему
И поклонился. Чудо
То, что он знал, я буду
Против стоять. К нему?
Нет, а к тому, тому,
 что называют злом.
Но не хочу о том.
Вновь говорить.
 Не надо.
Лето пришло легко
До Вышеграда Града
С птицей освобожденной.
С птицей преображенной.
Птицей «имперского» дома.
Знаете. Далеко...

12 июня 2013

Андрею Торопову

I

Оденься, как денди красиво
Забудь про печаль и тоску.
Деревьев качаются гривы
и ягоды зреют в лесу.
И дачницы едут на дачи.
И дачники едут в сады.
Зачем же Душа твоя плачет?
И скрипкой рыдает в груди?

Май 2003

II

Ни в тоске, ни в лоске,
В гости так приди.
В городе Свердловске —
Екатеринбурге —
Летние дожди.
Мы с тобою сядем
Выпьем горький чай.
Мы в СвердловскоГраде
Встретились . И чай
Не горчит, не стынет
Чай наш завезен
Из далекой Чины.
С Чайны прибыл он.
Мы стихи читаем,
За столом сидим.
Было жарко в мае.
Тихо говорим...

Июнь 2013

Сегодня мне снова приснилась Прага,
Не та, в которой я был, не та,
о которой писал —
другая,

Словно оттиск гравюры,
или довоенное фото
До второй мировой, нет и не такая
Город — маленьких низких домов,
Словно выросших из земли
и людей из разных эпох,
которые были людьми...

В разных одеждах в разных надеждах...
В трехэтажной гостинице, на третьем
этаже, я снимал номер
В старинном доме,
Спускаясь по лестнице винтовой,
выходил на улицу прямо
в лето,

И там, рядом со мною, был проводник, это
Он вел меня через город,
Седовласый мужчина, имя его было
Возможно Марк, а возможно Милош,
И он говорил: «Взгляни!
Над черепичными крышами

Пражских домов
Солнце восходит Мира,
Мира свободного от страданий»
Все ощущалось другим... не объяснить

все равно,

НО

Что можно сказать о природе сна

И природе города этого.

Необъяснима природа...

15-16 июня 2013

Стихотворенье с июнем.
Цветущей сиренью, черемухой, яблоней.
Музыкой цвета и света.
Цветения лета.
Старого Света и нового Света.
Стихотворение.
Стих от Творения.
Стих, открывающий двери ключом
В Июнь, Июль, Август.
Триптих и Арка...

.....

Почта для Марка.

Для Пилигрима
Вписано имя
Почта так долго
Почта удобна.
Стихотворение просто с июнем
Вас.....

17 -22 июня 2013

На окраине здесь я с Тобой при луне,
И луна отражается в белом вине.
При осенней погоде с листвой и травой,
Под созвездьями разными над головой.
И в мгновение мир сей с любовью приняв,
От людей, что вокруг, до редющих трав.
Потому что любовь воцарилась уже,
Вместе с миром и светом, царящим в Душе.

Осенний день уравновешен
Покоем солнца и воды,
Его ни ненависть, ни нежность
Не беспокоят. Суеты
Он не несет и не приемлет.
В его руках горит звезда.
И свет ее он льет на землю.
Ты видишь этот свет? О да!

Духовный мир иначе видит всех.
Иные чувства и иные взгляды.
На крону дерева, на первый легкий снег.
На человека после снегопада.
Поскольку взгляд у ангела другой,
Отличный от простого человека,
Весь мир людей он видит, как иной.
и было так от века и до века.
И видит он слезинка, как легка,
как тяжела, что он ее не тронет.
Но защитит. Он видит, что река,
Река времен, как линия Ладони.
И видя мир страдающий. Таким.
Он изливает свет, текущий с крыльев,
Расплавленным сиянием, золотым.
В Небесной и Неизмеримой силе...

СТИХИ
ИЗ ПРАЖСКОГО ГРАДА

Поэма

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

С Мариной я познакомился 29 марта 2008 года. На проспект имени Ленина города Екатеринбурга пришла запоздавшая весна, и лучи солнца осветили сумрачные лица прохожих. Одиночество завершилось и осталось позади.

А потом было лето. После ледяной зимы весна и внезапно пришедшее счастливое лето. Всем собором цветения лето звенело и пело...

Цветущая сирень во дворе. Белые пионы Марина приносила домой и ставила их в прозрачную вазу. Маленькая женщина с большими карими глазами, родившаяся 20 августа в летнее утро под знаком льва.

Гром и молния. И одновременно дождь, словно величественный венецианский дож, сошедший на землю и по земле проходящий. Ее смеющиеся широко раскрытые глаза, в которых я вижу самого себя. Было три года, о которых возможно и невозможно рас-

сказать потому, что они были другой книгой.

А потом была изломанная осень и с ледяным отчаянием пришла зима 2011 года. Темная ночь Души едва озаряемая светом далеких, холодных звезд ночью и алого зимнего солнца днем.

А потом Прага... Марина и я в холодный апрельский день 15 числа 2011года стоим на Карловом мосту, одетые не по погоде, и пытаемся сбежать от толпы туристов, оставив позади и Карлов Мост, и его достопримечательности. А на следующий день погода меняется, и я вижу Прагу в другом свете. И Влтаву, опоясывающую речным поясом удивительный и любимый мною город. И Йозефов — старый еврейский квартал от Старо-Новой синагоги до Ратуши, и дальше до границ еврейского квартала, где оседлав ненавистный ему скульптурный костюм клерка писатель Франц Кафка сидит на нем верхом.

Концерт композитора Джорджа Гершвина в Испанской синагоге, где музыкантов вызывают на бис. А за границей квартала — готические соборы

Пражского града. Черепичные крыши и зеленые потемневшие купола.

Я мог бы написать эту книгу в Праге. Но я написал ее не там. Однако, действия и события, вторгшиеся в мою жизнь, пришли оттуда. И стихи, написанные во время событий и после, приходили оттуда, словно я был там, проживая каждое слово. Уже после. После возвращения оттуда.

Прага алхимиков, поэтов, музыкантов, прохожих... Разных, близких и чуждых друг другу людей, соединенных одним городом. Мала Страна, лежащая ниже Градчан. Мала Страна — «Пражский малый град». Узкие улицы, площади и сады.

Музыка Праги... Музыка...

19.04.2011

День в Пражском Граде солнцем
озаглавлен.

И зелень куполов, впитавших цвет.
Зеленый в золотой уже оправлен
И в бело-голубой, небесный свет.
Над шпилями готических соборов
Творится алхимический процесс
Молитвы той, которая опора
Спасения с заглавной буквы S.

I

Я люблю тебя, очарованный город Прага,
От Градчан в полнолуние до Вышеграда —
С черепичными крышами

и зелеными куполами.

Снизу вверх поднимаясь,
обнимаю тебя двумя руками.

У плиты рабби Лева лежат монетки
и подношения.

Восемнадцатого апреля происходит
свершенье

Молитвы, идущей от сердца, и рядом
со мной Марина.

Она становится на колени в стороне
от Карлова Тына.

Двое в молитве — я и она перед Святым,
его женой и Всевышним.

Молитвы сходятся здесь
и перед Миром Высшим...

Ш

Я записываю и пишу, но это не части речи.
Я не Иосиф Бродский. Но становлюсь
на плечи
Русской поэзии. Пражскому Граду
и далее Вышеграду.
Доктор, Целитель Душ выше живет.
Нам-то к нему и надо.
Как в анекдоте, что доктор живет
этажом выше.
Выше живет доктор. Вы, что не слышите?
Выше!
Сколько еще в боли не исцеленных.
Счастье для всех даром. Для всех
влюбленных.
Пишу нервно, но четко. Слева направо.
И еще, я люблю тебя, Прага в ожерелье
из звезд
над Влтавой.

Слово «честь» будто вычеркнуто
из человеческого языка.
У слова «совесть» первые три буквы
стерты.
Получается «есть». Есть ли у вас деньги?
Перед вами рука
Берущая. И Дающая. Не человека, —
черта.
Одетого от Версачи и от самого себя,
Того самого, что хохотал, когда
Царь Иоанн второй истязал, любя,
И костры инквизиции пламенели
в Европе гордо.
Из Фауста Гете. Он же из Мертвых Душ.
Особенно из сожженной второй части тома.
Он с пламенных смотрит страниц,
выпивая пунш.
Всюду, где боль и тьма, он у себя, как дома.
Мир будто закрыт Князем мира сего
под ключ
Несмотря на то, что свет проникает
Солнца.
А ночью Луна светит, выплывет из-за туч,
И скрипка звучит у скрипача сольно.

Но двери откроет — какой ключник,
какой поэт?
В мир, сияющий в милости. Без черноты.
Не черный.
Где же они, города, там, где сияет свет? —
Что не вмещают в себя
искривленного мира
Черта.

Полнолуние в Праге. Над Прагой-Пять
Два часа ночи. И я не знаю плакать
или смеяться.
Какими словами мне Прагу свою спасать,
Чтобы с собой забрать, если нельзя
остаться.
На черной футболке Франц Кафка
по мостовой
Медленно через ночь Души по мосту
проходит.
На мне футболка с Кафкой и джинсы.
А Пражский Городовой
В Свете Луны невидим. Но происходит,
Словно явление чуда. Чуда чужого сна.
Завтра, в Страстную пятницу,
еду на Кутну Гору.
В Костницу. В храм Варвары Святой.
Весна
Поступью легкой приходит на эту пору.
Пору апреля. Крыш черепичных.
Забыть про боль,
Запомнив Святыни, святых. Их жития
в отчизне.
И Нарисованный Кафка свою
исполняет роль.
И Прага рисует себя саму на линии
сердца,
ума и Жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На Кутной Горе и другие стихотворения

Белое облако, наполненное
Изнутри светом, приближается
И раскрывается изнутри.
А внутри облака Храм.

На Кутную Гору пришел Апрель
У Храма Варвары Святой.
У Костницы Храма достал свирель
И произнес: живой!
Жизнь продолжается на горе,
Жизнью своей живет.
В Костнице Мастер Франтишек Ринт
В тысяча восемьсот
Семидесятый.
Жестокий год.
Из склепа построил Храм.
Храм под землю.
Под-земный мир.
Но Ангелы есть и там.
Это Агонии Храм Христа,
Что непостижно уму.
В храме таком прощенье всем
Тем, кто готов к нему.

ФРАНТИШЕК РИНТ

Мастер Франтишек Ринт
Из склепа построил храм.
Мастер Франтишек Ринт

Многое знает сам.

Но его не понять. Мастера и врача.
Он необъятен сам. Над полем горит свеча.
Двери откроет в храм. Он поведет показ.
Ниже уровня сна. Глубже уровня глаз.
Выше уровня смерти. Выше Кутной горы.
Знает об этом мастер. И нету на нем вины.
Выше уровня смерти

видят его глаза.

И за пределом тверди

Над Костницей —
небеса.

У ХРАМА СВЯТОЙ ВАРВАРЫ

На Кутную Гору пришел Апрель
У Храма Варвары Святой.
У Костницы храма достал свирель
И вновь произнес: живой!
У храма Варвары святой весна.
Большой и просторный Храм.
И белое облако со святой
Снится тому, кто там.
Видится тем, кто уже прощен
После своей зимы.
Смотрит на то, что вокруг него,
И произносит Мир.

22.04.2011

В страстную пятницу я был на Кутной горе,
В Костнице. В храме агонии

Иисуса Христа.

И солнечный день стоял

на Пражском дворе,

Когда я вернулся оттуда. Молчат уста.

О том чтобы рассказать, о том...

Кому интересно откроют том

По Чехии,

И они прочтут

О том, как мертвых, бывает, «чтут».

Но там я понял, что Он сходил

К страдающим Душам, даже ушедшим

в тьму.

И он их оттуда освободил.

И этот Храм символичен. И потому

Храм существует.

И тот, кто поднимет к небу глаза,

Поймет, что раскрываются небеса,

Когда.....

Посмотрите на улыбки святых.

Свет играет на листьях зеленых,
И в Европе восточной весна.
Мир таинственный, тайный, влюбленный.
Моцарт, музыка и небеса...
Город Краков. Старинная Прага.
Птицы долго поют дотемна.
И из каменных плит город Снагов.
Ночь над ним. И Noapte română.
Ночь в Румынии. Ночь и весна.
Это древние земли Святые
На других языках говорят.
В Киберпанковый век золотые
Сказки старой Европы не спят.

Продавщица отсчитает сдачи
И цветы цветочница продаст,
Снег пойдет с небес, никак иначе.
В полдень солнце выйдет. Через час
Все осветит зданья, тротуары,
Белых, сизых, черных голубей,
Облака над городом и пары
Юных, старых, молодых людей.
Не

обыкновенную картину
Необыкновенной жизни. Но...
А в Европе храмы на латыни
Говорят о чем-то об ином.

*Девушка пела в церковном
хоре.*

Александр Блок

Девушка пела в еврейском гетто
В платье белом и голубом
В сумерках. У ворот Рассвета.
Между явью своей и сном.
Между сном и глубокой явью
В полуобмороке от сна.
Между явью своей и навью.
Плоть ее — ей была тесна.

.....
.....

И над миром Душа летела,
И на скрипке играл скрипач.
Девушка пела Душой и телом,
В пение превращая плач.

Я помню снег, он был в глазах твоих,
Он шел, как будто снега было мало.
И не было печали для двоих,
А снег ложился на руки устало.
Я помню, снег был на руках твоих,
Он легче был почтового конверта.
Была ты Грета? Гретхен? или Герда?
А снег он был – таинственен и тих.
В еще не наступившую весну.
Твоя Душа всем телом отражалась.
Была ли ты извлечена из сна?
Где пела ты и, плача, где смеялась...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

У собора

КОСТЕЛ

Свет, распускаясь, проник через окна
Костела.

Свет, раскрываясь цветами,
дорос от потолка до пола.

В музыке белой и в витражах, в месяце
летнем

Жизнь продолжается, солнечный дождь
Бликами света...

Вокруг собора святого Витта
Ходит незримая свита.
И свиток, кто-то читает.
Кто-то мечтает.
А у собора пылают свечами,
Прошлое с будущим соединяя, —
Тайны молитв. Оживают ночами
Пражские улицы: Старая Прага —
Рукопись — Свиток — Молитва — Бумага.
Прошлая эра и новая эра.
Чешский писатель Милан Кундера
В Пражском кафе, из окна видит город.
Своды собора, как древние горы.
Своды Собора — великие старцы.
Своды Собора в отдельном пространстве
Времени, Духа. Какого-то слова—
Невыразимо прекрасного сна.
Архитектура и музыки звуки
Пышным букетом к вам падают в руки...
Будто страданий и не было. Звезды.
Ночью в воде в отражениях, в слезах.
Слезях святых и неизвестных нами.
И облака над большими домами.
Стихотворение.
В Праге раскрытой.
У Katedrála svatého Víta.

II

Я любил тебя, Прага, тогда, и люблю
теперь.
И когда ко мне приходили недобрые силы.
И когда злая сила меня истязала.
И когда мои силы меня покидали.
И я видел зло воплощенным в женщину.
С черными волосами
и цепким змеиным взглядом
Женщину Анну, чье имя
Вычеркнуто из книги живых
и из книги мертвых.
Анну с Карлова моста, фамилию
не называю.
Осквернившую даже имя свое — Анна,
Потому что Анна означает милость Божья
А в ней не осталось милости, только сила
Черная, злая, бесчеловечная, колдовская.
В течение трех лет: две тысячи десятого,
Одиннадцатого и
Две тысячи двенадцатого года
Преследовала она меня,
Вызывавшая тьму,
Выползшая, как гадюка,
из-под стен твоих, Прага...
Из глубин средневековья, из темных
времен,
Откуда она вызывала злых духов,
отрицаемых

«Рациональным» миром —
В так называемый —
 современный «рациональный» мир.
С красивым лицом, манерами, обаяньем,
Но страшная сутью своей,
 а не обликом внешним.
На нее со стен смотрели химеры,
Каменные Горгульи с собора, знавшие —
 кто такая.
Она, пришедшая с демонами на землю,
Взятая ими, взошедшая вверх.
Поднятая наверх.
 Над
 собором.
С ними она вызывала бури...
 и истинное ее лицо
Я представить себе не в силах,
 силы ей были даны.
Но какие силы?
Против света. Против Любви.
 Только против...
И я не знаю. Была ли когда у нее,
Хотя бы случайно, тоска о свете,
От которого она отреклась.
Но другое знаю:
Что, когда я на руки брал Марину
 и умолял ее
 — пожалуйста, только живи,
Не умирай.
 И когда я говорил с Антоном,

Повторяя ему слова — живи —
не умирай...

«Умирай.

Умирай. Умирай»,

говорила она.

А на улице была уже осень.

Осень деревьев голых.

Багряных закатов солнца.

Снег еще не пришел благодатью Божьей.

И она продолжала еще свой безумный
танец.

Она отправляла письма,

фотографии выставляла

На Фэйсбуке. Говорила: «Вот она я какая».

Не раз и не два совершала она

Cestování do Ruska.

Путешествия из Праги в Россию.

Стояла неммым извоянием

в магическом трансе

У меня под балконом. Являлась во сне,

Касаясь разгоряченного лба моего руками.

Я бредил, а она, а она смеялась.

Наслаждение злом было ее наслаждением.

С музыкой зла, какофонией скрипок

Виолончелей, сошедших с ума.

Она

больше

не существует.

III

...любимый мой город. Прага. Прага.
Прага.
Я все равно любил тебя, и навзничь
лежавшим
В своей квартире. Под давлением
темноты.
В преодолении зла, с верою в добрые силы,
Я все равно поднимался, в бреду молился,
Находясь от тебя вдали
за тысячи километров.
Я о тебе мечтал, и ты придавала мне силы.
И ангелы твои приходили с любовью
и миром.
Был мартовский день, в который вошла
метель.
И снега было и ветра так,
как глубокой зимою.
Я зажег свечу. Я читал о тебе Марине.
И на следующий день, я купил билет
На самолет. Аэропорт Кольцово — Рузыне.
А над Прагой пять ясно светило солнце.

...И много позже после Праги
За прочным письменным столом
Писал о том, что невозможно
И выразить в стихе таком:
Что вечер сумрачный и бледный.
Что снег в полях уже лежал...
О том, что «Киевские ведьмы»
Ореста Сомова читал.
И кто поверит в то, что силы
Иного злого бытия
Существовали. Эти силы —

Увидел я.

Не в повести, не в старом фильме,
Отснятом классиком, о нет.
И тьма была неистребима
Но этой тьме был дан ответ —
Неистерпимый свет.

.....

И свет неистерпим был тьме
И всем ее друзьям.
Но милосердный свет
Был милосерден к нам.

.....

Не знаю я, что ведал Сомов,
Когда читателю писал.
Когда читал, был вечер бледный.
И снег в полях еще лежал...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ДРУГАЯ ПРАГА

Зима две тысячи тринадцатого года.
Медленный снег падает с неба.
Со стиха, посвященного Праге,
Говорю я о Праге Другой.

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Есть темная Прага и светлая Прага,
Но светлая кажется так далеко.
А темная Прага, червленная Прага
Как сквозь закопченное смотрит стекло.
За Фаустов дом снова прячутся тени
И тучи над Карловым ходят мостом.
Не Лондон промозглый, не классиков
в Вене
О Праге любимой напишем. Потом.
Что будет оркестр и полночь в Градчанах,
И звездное небо в цветущем саду.
Проклятье Рудольфа Второго над Прагой
Кончается
В этом
Две тысячи этом
тринадцатом году.

Когда завершился дождь.

Дождь.

И от дождя очнулся старинный город.

Город людей. Их страстей.

Ты идешь, поднимая ворот.

Кто ты? Как тебя зовут?

И что ты делаешь тут?

Я пишу стихотворение, пишу

Не о Пражской жизни, а о своей

Истории из Пражской жизни.

О том, что есть нечто невыразимое

В старине.

И легенды реальны. Они не лгут и не

Притворяются правдой,

а повседневная жизнь людей

Часто бывает побегом от собственных

дней.

Золотых, черных, червленых, живых.

Люди не ведают о проклятых.

Не знают своих святых.

Не все, но многие. Думая ни о чем.

Под пражским или московским стоят

дождем.

Дождь не смывает маски, он оставляет их.

Социальные статусы.

Начался дождь и уже стих.

Колодец с прозрачной водою.

Мерцающий свет луны.

Духи. Ангелы. Творения, что не видны.
Нашему миру. Но это не значит, что их нет.
Каждый сам для себя ищет в себе ответ.
Но есть нечто невыразимое вообще
То, что сокрыто в Душе.

В плаще

прохожий проходит.

И каждый в своих делах
Подавляет тоску. Побеждает страх.
А небесная музыка тихо звучит. Звучит.
А земная горчит. Или кричит.
И каждый ищет сам для себя ответ.
Над Соборами Праги невыразимый свет.

ДРУГАЯ ПРАГА

Небо ангелов. Пражское небо.
Небо Праги твоей и моей —
Это небо над-сущного хлеба,
Это город великих идей.
Там где Карл Четвертый великий
Проектировал Прагу свою,
Проступают сквозь золото лики
Легионов в небесном строю.
Слыша звуки небесной музыки,
Удивленным стоит человек.
Видя город небесный, великий.
А на город и легкий и тихий
С неба падает
 Медленный
 Снег.

И когда опускаются сумерки,
И когда над домами рассвет.
Я представляю Ангела
города Праги,
 Благословляющего
 Вас и меня,
Меня и вас,
Марина, Антон, Игорь...
 И те, чьих я не знаю имен...
Музыка, тихая музыка
 Звучит над домами, звучит.

ПОЛДЕНЬ В ГРАДЧАНАХ

От Густава Майринка и Ангела
западного окна
До Градчан, в которых звучат грачи,
У кого-то свое вино, у кого-то своя вина,
У кого-то от Праги своей ключи.
На Градчанах в мае стихает боль,
А у собора святого Витта народа
не сосчитать.
И кажется, ночью с портрета сходит
король —
Габсбург. Император
Рудольф
Второй.
И смотрит за городом до тех пор,
пока не начнет
светать.
А на Градчанах деревья уже в цвету.
Два цвета мне грезятся: зеленый
и золотой.
И, облаченный в эти цвета,
я по Градчанам
моим иду.
И мир на своем языке говорит со мной.
И Прага вновь в яви, — снова —
рядом со мной,
В стихах. Во множестве и в единстве
людских речей

POST PRAGENSIS

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

POST PRAGENSIS*

Антону Ермакову

Пражская школа. Какой образ предстает при этих словах?

Образ учебного заведения, где учат дисциплинам?

Или образ нескольких человек, создавших целое направление в искусстве? Густав Майринк, Франц Кафка, Макс Брод, Лео Перуц, поэт Райнер Мария Рильке, стоящий на Карловом мосту и смотрящий на плывущие над городом облака? В зеркале воды отражается небо прошедшего и будущего дождя. Что значит для вас Прага? Что она значит для меня этот город, опоясанный рекой по имени Влтава?

Три календарных года писалась моя поэма. Записывалась моя жизнь и события, битва за собственную жизнь, за собственную Душу. Черные дни, укрытые глубоким снегом и истаявшие вместе с ним. Кровоточащие строки в красном и небесные в золотом.

Черные дни, белый снег, алое Солнце. Три цвета.

Три стадии алхимического процесса человеческой Души.

И так тоже можно сказать в переложении с языка материального на трансцендентный. О прошедших событиях, которые становятся текстом. Книгой живой. Книгой раскрытой на той странице, где пишется то, что сейчас записываю я. Глубокий сон о шестнадцати рыцарях, охраняющих мир от зла. Ад, ворота которого в форме полной гигантской медной бочки. И те, кто не позволяют ему раскрыться и войти в этот мир, сейчас не спят. Ибо так надо. Но когда они засыпают, ад проникает в их сновидения. И тогда борьба продолжается уже во сне. Чтобы не дать ему пройти за порог. Через порог. А Прага...

Прага — порог, и не только Прага.

Молитва тоже Порог

И порог бумага...

Но порог, ведущий винтовой лестницей вверх. Прага... Это не ярко раскрашенная открытка на продажу.

Это высота и глубина. Глубина прошлого и высота небес над этой

глубиной. Глубиной города. Старинного города.

На ветвях поют птицы. Сон о шестнадцати рыцарях. И во сне я один из них. И наяву я один из них. Был.

Сон и явь. Кто поверит? Друг мой, ты согласишься. Друг мой, ты знаешь. Друг мой, ты знаешь о том, что было. И что такое страдание. И что значит освобождение от страдания для меня. Зеленые купола потемнели от времени, но солнечный свет позолотил их своей благодатью. Святыне города Праги... Чехии....

Святой Вацлав, Святая Агнесса, Святой Ян Непомуцкий, Святая Людмила Чешская, Святой Иоанн. Первый Чешский Пустынный. Ангелы Праги Прагу хранят. Святыне хранят ее и тех, кто любит ее, хранят они. Прага очень странный город и связывает между собой разные истории и тексты.

Звезда над Йиндржишской колокольней.

Лунный свет проходящий сквозь окно старинной башни. Письмо по и-мэйлу. Обман и правда сокрытая за пеленой лжи.

Стихотворения..... Музыка.....

О том, что находится за пределом текста, я умолчу.

Создавалась моя поэма «Стихи из Пражского града». Создавалась «Музыка из Пражского града», написанная моим другом, музыкантом и композитором, Антоном Ермаковым. И это не литература. Это не Пражская, не Московская, не Санкт-Петербургская школа. Это наша жизнь, в которой мы слушали и слышали ангелов и демонов города Праги. Буквально это надо понимать.

И была тьма. Летняя, осенняя, предзимняя мгла в городе, в живом организме улиц, деревьев, людей. И был Свет. Внутри. Там, где глубоко. Там, где живут стихи. Так написал Антон в своем эссе «Всегда рядом». И далее я привожу текст полностью:

ВСЕГДА РЯДОМ

Юрию Авреху

По сути, так и должно было быть. Испытания даются по силам. Силы даются по вере. Вера рождается в невыносимых страданиях, в тех нечеловеческих муках, которые нужно перенести и осознать, ибо так суждено.

И всё время тебя сопровождает — Свет. Немилосердный, ибо — ты должен выстоять. Неустрашимый, ибо в зените солнца бояться нечего. Свет, который не упоминают всеу.

И была тьма. Летняя, осенняя, предзимняя мгла в городе, в живом организме улиц, деревьев, людей. И был Свет. Внутри. Там, где глубоко. Там, где живут стихи. Там, где его, поэта, космос. Космос — Творца. Космос той вертикали, по которой спускаются ангелы и за руку здороваются.

И было всё, что представить нельзя. Нельзя. Невозможно. Когда немеют ноги, ползешь на руках. Сквозь зло, сквозь отчаянье, сквозь обман, сквозь — тьму. Летнюю, осеннюю, предзим-

нюю мглу в городе. И мысль, чувство, еще живые, движение зрачка, оклики памяти. Живой. И вот они, губы, начинают шептать. И рука писать начинает. Сквозь зло. Сквозь отчаянье. Сквозь обман. И стихи твои становятся молитвой, дорогой, по которой Свет дойдет до земли, прикоснувшись хотя бы к одному человеку, омраченному бедой. И ты будешь счастлив. И ты — будешь. И будет — Свет. И будут — ангелы.

В комнате твоей, где всегда так хорошо, включен светильник. И — желтое окно наверху посреди снежной зимы, когда гаснет солнце, не пройдя положенный круг, умирает где-то между западом и югом. Гаснет костер горизонта, пролитый вдаль, до Иерусалима. Великое стихотворение вечности. Взрыв тепла. Уползает скорпион в темноту. Человеческая любовь умирает. Змеиное жало, которое я бы любил, той которую я — любил, заключено в скобки поэзии.

Так продолжается жизнь. И сердце бьется. И не кончается ночь, от пепла рожденная. И в ней — покой.

Друг мой, я — рядом. Всегда рядом. Всегда подле.

Я, между веков потерявшийся, и
никакому веку не принадлежащий, —
рядом...

Здесь заканчивается его текст и
начинается новый. Новая музыка.
Новые стихи. Мы идем по Пражско-
му граду. По улицам Праги, о которой
каждый из нас писал по-своему.

Город внутри города. Мы идем
туда, где живет Anima Urbis, Душа го-
рода, проходя через готические арки
и мосты.

*Времени, Духа. Какого-то слова —
Невыразимо прекрасного сна,
Архитектура и музыки звуки
Пышным букетом к нам падают
в руки...
Будто страданий и не было. Звезды
Ночью в воде в отражениях, в слезах.
Слезях святых и неизвестных нами.
И облака над большими домами.*

Что значит для вас Прага? Что
значит она для меня?

ДОРОГА К СЛОВУ

Любая история – словно мост, переброшенный через реки и времена. Начнёшь рассказывать историю, и вот история начинает рассказываться, раскрываться, и вот уже и ты вместе с читателем идешь по созданному историей чудесному мосту.

И вот я уже снова рассказываю о Праге. Когда я говорю о Праге в том числе и в названии книги – это не значит, что я ставлю ее выше Иерусалима о котором и в этой книге я говорю и пишу тоже и который в этой книге присутствует. А еще присутствует Екатеринбург которому я не могу не быть благодарным.

Нет. Просто о Праге в этой книге говорится больше (всего) и именно она стала для меня порогом и дорогой к Иерусалиму. Иерусалиму на карте и Иерусалиму в Душе.

День Четверга посвящен Юпитеру. Родился я в ночь четверга. С восходящим знаком Стрельца в сидерическом (звездном) зодиаке управляемым Юпитером, но из за близости

Юпитера к Солнцу скрывающему планету Юпитер в своих лучах родился я несколько болезненным ребенком.

Однако же романтичным и целеустремленным. На правой руке, на указательном пальце я ношу перстень с желтым сапфиром – драгоценным камнем Юпитера, а на левой не ношу ничего. И знаю о том, что сухие невыплаканные слезы невидимые для этого мира видимы для другого.

Аврех. Что за странное слово такое? Что за фамилия такая странная и непонятная? А непонятной для меня она являлась до тех пор, пока я не начал исследовать ее значение. С библейских времен Аврех — это восклицание, которым сопровождали египтяне Иосифа, сына праотца Иакова и Рахили, которого фараон провез перед народом в своей колеснице в знак высочайшего благорасположения. По некоторым источникам слово означает мудреца и имеет арамейское происхождение, а по некоторым — египетское. С тех древних времен появилась эта фамилия. И еще так называют и по сей день людей, изучающих

священное писание и посвятивших себя духовному служению и возможно, отчасти поэтому значению фамилии я воспринимал и воспринимаю и по сей день поэзию, как одну из форм Духовного постижения. Молитвы и служения. Так, стоя у могильной плиты великого святого и мистика Рабби Лева, о котором слагались легенды, в городе Праге, шепотом произнося слова молитвы, я и не думал, что молитва позже превратится в стихотворение:

*У плиты рабби Лева лежат монетки
и подношения.
Восемнадцатого апреля происходит
свершенье:
Молитвы, идущей от сердца, и рядом
со мной Марина.
Она становится на колени в стороне
от Карлова Тына.
Двое в молитве — я и она перед Святым,
его женой
и Всевышним.
Молитвы сходятся здесь
и перед Миром Высшим...*

Молитва становится стихотворением, а стихотворение молитвой.

А Марина...

Женщина, которая со мною уже пять лет, и стихотворение, в котором присутствует она, говорит о ней лучше, чем я смог бы сказать о ней в любой прозе. Та, которая на сказанные мною однажды слова о необходимости мира в Душе, ответила мне: «Мира мало без тебя. Я пришла в этот мир для того чтобы быть с тобой...»

Нелинейно во временном порядке событий пишется текст, но так возможно даже и интересней. Я хочу рассказать о моей жизни в Иерусалиме, в южной части великого города. В районе с названием Рамат-Рахель. Холм Рахели. Жизнь подростка-эмигранта, не расстающегося с книгой Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Одинокого подростка читающего Московские и Иерусалимские главы романа в самом Иерусалиме. Приехавшего из России в страну совершенно другой культуры. Подросток, вкусивший хлеба эмигранта в 13 лет. Практически никаких особенно ярких событий во внешней моей жизни тогда, только внутренняя, напряженная

жизнь. Прогулки с моим дедом по Иерусалиму. Девушки с темным цветом кожи в цветных майках и коротких шортах, приехавшие с самых дальних стран юга. Пальмы и Оливы. Иерусалим. Небо без берегов. Плывающие облака и сухие, злые, невыплаканные слезы. Чтение книг и настороженное наблюдение за окружающим миром. Ни друзей, ни желания учиться там, и при этом непреодолимая сила желания вернуться в Россию. Позже написанное о том периоде стихотворение:

1992 год.

Я помню Иерусалим

С лицом булгаковских героев.

И жаркий полдень и хамсин.

Путь странника и путь изгоя.

Ерусалимский первый снег,

Под новый год такой знакомый.

Для жителей какой-то снег.

Для эмигрантов снег из дома...

А потом, после Иерусалима, — Екатеринбург.

Весной 1999 года я получаю диплом об окончании обучения в негосударственном учебном заведении по

специальности переводчика с английского. Позже преподавательская деятельность сначала в лицее, а потом в Музыкальном Училище. Преподавание английского языка. Но это уже проза. А поэзия...

Стихи сходятся друг с другом, радуясь встрече. Но странная вещь. Недавно, просматривая свои рукописи, обнаружил, что о Екатеринбурге у меня совсем мало стихотворений. Может быть вообще всего-навсего несколько. Возможно потому, что мне о нем говорить и молчать легче в прозе чем в стихах. Есть города, связь с которыми я чувствую очень сильно. Иерусалим. Верхний Назарет (Нацерет-Илит). Прага. Петербург. И пятый город — Екатеринбург. Екатеринбург, славный поэтами и заводами славный, а кем больше славный трудно сказать.

Поэты... Поэт, на каком бы языке он не говорил, когда он говорит стихами, то обращается сразу к трем временам: к прошлому, настоящему и будущему. Когда говорят поэты, они создают мосты во времени, становясь архитекторами подобных мостов, состоящих из

созвучий и слов, но имеющих плотность такой силы, что желающий пройти по нему — пройдет в восхищении, наблюдая невиданные до того земли и те земли, которые видел раньше так, будто не видел их никогда.

Апрель 2012 года. После драматических событий я уезжаю (на время) на святые земли. Я еду в Вифлеем. Бейт Лехем. Дом хлеба. Место рождения царя Давида. Место рождения Иешуа. Церковь Рождества и звезды Вифлиема. Базилика Рождества, заложенная императрицей Еленой во время её паломничества в середине 330-х годов согласно Евсевию Кесарийскому. Еще утро, а в церкви уже огромное количество народа. Солнце восходит над восточной частью Иерусалима. Когда я выхожу, у меня начинается сильная головная боль. Торговцы сувенирами обступают наивных туристов, предлагая им свой товар. Желтый палестинский автобус вывозит за пределы территории и Вифлеема и палестинской автономии. Территории обозначенной буквой А. Три уровня Палестины А. Б. С . Я покидаю

Вифлеем и в тот же день еду на Елеонскую гору Иерусалима. Елеонская (Масленичная гора).

И снова вспоминается Булгаков. На календаре 3 мая 2012 года...

И происходит чудо. Чудо невозможно описать. Свет Божественного мира нисходит на меня в тот день. И чувство такого счастья, что я рыдаю. Счастья после боли, счастья после отчаяния. Ничто не имеет значение. Только присутствие этого невыразимого света. В ауре, в ореоле света, обычные человеческие представления о правильном и неправильном непредставимы.

И вновь возвращение. Лето. Екатеринбург Я прохожу по одной из улиц мегаполиса. Мегалополиса. От *греч. megas — большой и polis — город*. В античной Греции — название гипотетического великого «города идей». А сейчас — высокоурбанизованная зона с высокой плотностью населения.

Где-то вдалеке звучит музыка и мне на ум приходят такие слова: рапсодии хаоса пытаются выдать себя за музыку, и выдают себя сами. Бе-

лый шум и черный шум говорят «нет». Поэзии нет. Ее нет. Ничего нет. Есть *ни-что*. Случайность, состоящая из набора бессмыслиц, из боли и пошлости. И шум пошлости и брани пытается затмить собой все окружающее, но поэзия звучит. Дирижер обратился к оркестру и снова играет оркестр. И скрипач в оркестре и вне его, один, отдельно взятый, создает музыку.

А мой 89-летний дед Натан воспитавший меня вместо моего отца, родившийся в Польше в городе Тарнобжег, на берегу реки Вислы, и прошедший колоссальный путь через Польшу, потом Россию, живший на Урале, (теперь!) поднимается вверх по ступеням Верхнего Назарета, опираясь на стариковскую палку, словно на посох, исполненный величия, подобно ветхозаветным пророкам, смотрит он на восходящее солнце над древним городом и вспоминает обо мне в молитве своего сердца.

Он свидетель.

И он знает, что каждое написанное здесь слово — правда!

Эпизод с Розой

За пять лет до моей встречи с Мариной и событий связанных тем или иным образом с Прагой мною была записана следующая история.

Не знаю способна ли она что либо прояснить в отношении моих событий и Пражской истории но тем не менее я привожу ее здесь в том виде в каком она была мною записана:

— Я не участвую в драках, я участвую в войнах! — Произнес седой коренастый человек в военной форме, обращаясь к сидящему напротив худощавому и одетому во все черное.

— А вы что скажете, господин отставной рассказчик?

— Разве только то, что не участвую ни в том, ни в другом, господин капитан, — произнес одетый в черное, извлекая дешевые сигареты из дорогого портсигара с инициалами владельца «П.Р.», что означало Павел Роза.

— Ну что ж, можете начинать свою историю. Я вас внимательно слушаю, — заявил капитан, глядя в глаза отставного рассказчика Розы. — Я

вас внимательно слушаю, — еще раз повторил он, и отставной рассказчик, раскурив сигарету, начал повествование.

— Они зацвели в пустоте. Цветы рождались, зацвели и падали на надгробья еврейского кладбища в Праге. Сорокатрехлетний сторож кладбища по имени Франц собирал их и приносил в свою сторожку. Его дочь Милена осторожно брала их в руки, внимательно осматривала и давала каждому цветку имя. Ее любимым цветком была роза. Днем она работала на почте, сортировала, принимала и отправляла письма, а по ночам ей снились тревожные сны. Когда началась война, ей пришлось оставить работу на почте и ухаживать за ранеными. Однажды я встретился с ней. Ее лицо было заплаканным и печальным. Прошло некоторое время, и она вышла за меня замуж. Мы прожили вместе три года, а потом она заболела дизентерией и умерла. Ее похоронили на кладбище, где работал ее отец. Я уехал из города, но забыть ее не смог.

Ее лицо, обрамленное мелкими, рыжими кудрями снилось мне каждую ночь... Однако это было в моей прошлой жизни, а в этой я вновь ищу ее... И царствие Небесное...

— Вы помните свои прошлые жизни? — Спросил удивленный капитан.

— О, далеко не все, — ответил отставной рассказчик, — но ту, о которой я вам говорю, помню. А вы разве нет?

— Нет, — ответил капитан, — что возможно и к лучшему. Вы очень хороший рассказчик! Однако же прошу прощения, но моя прекрасная Агнежка ждет меня вон за той за дверью, и я должен идти... На этих словах капитан провел рукой по пшеничного цвета пышным усам и двинулся по направлению к двери. Когда он вернулся, отставного рассказчика он не обнаружил. Только дорогой портсигар, оставленный на стойке бара, с инициалами «П. Р.», подтверждал, что Роза здесь был.

Капитан вложил портсигар в карман и, подумав, что при встрече обязательно его отдаст, вышел за дверь.

«ГОСПОДИН ПЕТЕР»

Прага хранит много разных тайн и странных порой совсем непонятных историй. И вот одна из таких историй которую можно рассказать. Некоторое время назад в Праге жил господин Петер.

Господин Петер родившийся еще в те времена когда черно белая фотография только появилась , словно высушенный временем старик в плаще, и черной шляпе сохранившейся еще со времен Ярослава Гашека и его бравого солдата Швейка. Являлся ли господин Петер солдатом? Военным человеком? Человеком войны? Да в некотором роде, безусловно. И еще он был, как бы это сказать... Со способностями... Способностями пражского «интеллектуала» и талантом замшелого киевского колдуна прячущего недобрый взгляд за стеклами больших черных очков. Холодом веяло от этого человека когда он прогуливаясь по узким улицам старой Праги выстукивал тростью звук из Пражской улицы и она улица сама издавала словно стон отворачения вы-

нужденная нести и вести по изгибам самой себя человека несущего в себе зло и будучи не в силах от него избавиться.

Однажды Господин Петер собрался совершить путешествие в Россию, причем с далеко не добрыми намерениями.

Но господин Петер не приехал. Он уже купил билет. Чемодан его был собран. Переговоры завершены но...

Карманник Томаш совершенно случайно став орудием провидения помешал Господину Петеру.

Томаша решили поймать. Полиция давно планировала это сделать, и вот настал момент, когда ей это практически удалось.

За Томашом гналась полиция, и Томаш убегал со всех ног.

Он убегал и, убегая, он столкнулся с Господином Петером и сбил господина Петера с ног. Господин Петер упал (удивительным образом) на землю рядом с церковью Святого Яна Непомуцкого, где еще задолго до постройки церкви стоял дом, в котором жил святой и молился. Господин Пе-

тер упал на землю, на разрытую землю под которой были найдены историками святые предметы, и тот маленький уголок земли, на который господин Петер упал, все еще хранил в себе скрытую святость от вещей, принадлежавших некогда святому. Господин Петер больше не поднимался. В недоумении склонился над ним Томаш, пытаясь поднять отлетевшего господина Петера. Над Томашом склонились полицейские.

А на староместскую Пражскую площадь выпал снег

СЕРАФИМ

Однажды ловец образов пришел к колодцу грез и уснул подле него, а ночью колодезная вода, которая помнит прошлое, настоящее и будущее, рассказала ему такую историю...

В клетке находился Серафим. Те, что держали его в ней, принимали его за диковинную птицу, и были они не человеческими существами, а существами другими, невидимыми даже глазам Серафима. Они заботились о нем, приносили ему еду, днем они создавали в его клетке свет, а ночью они создавали в его клетке тьму, непостижимые разуму и незримые взгляду. Время двигалось, и это было единственное движение, которое он ощущал во внешнем мире, ибо его мир был статичен и неподвижен. Существующий по законам заключенного мира, отображаемый сознанием заключенного внутри ограниченного неназываемого пространства. Он не знал о том, как он стал пленником и не знал о том, как ему стать освобожденным. Но зато было то, что он помнил, и яв-

лялось это памятью о его изначальной родине, о небесах творения с сияющими, золотыми сферами Сфирот.

И его тоска по дому превращалась в молитву по дому. В молитву о возвращении и освобождении из плена. И молитва его была живой. Она поднималась ввысь и возносилась через миры и времена к Создателю, и молитва его была услышана.

Однажды когда всякая надежда, казалось, покинула его, произошло невероятное.

Его клетка, его тюрьма стала исчезать. С каждым днем ее прутья становились все тоньше и тоньше. И он начал передвигаться по клетке в доголе неизвестных ему направлениях, перейдя из пространства статичного в динамичное, в котором он уже мог расправлять свои сияющие крылья.

Но клетка все еще присутствовала, истончаясь, истончаясь, истончаясь до тех пор, пока не истаяла, и пространство, раскрывшись, подобно невиданному, великолепному цветку, распустилось тысячью лепестков, и он возвратился домой.

РАЗВОРОТ

Весь день и всю ночь падал снег, покрывая дворы и дворики, подворья и подворотни, а наутро здоровые мужики раскидывали его лопатами на земле и на небе, и не было казалось места, где бы ни присутствовал снег. На его письменном столе лежал лист бумаги, который пересекало одно слово: смирение. Он достал из пачки сигарету, разломил ее и пересыпал содержимое в трубку, потому что табака не было, даже самого дешевого. И содержимое сигареты осыпалось на бумажный лист. Может быть, он хотел найти другое, более точное определение, но какое? Он не имел в виду, говоря о смирении пассивное ожидание, о нет. Только примирение, принимая свою жизнь со смирением и при этом продолжая жить и действовать несмотря ни на что. Активное смирение в противовес пассивному. Внезапно в его сознании мелькнул некий, едва уловимый образ, вызвавший у него улыбку. После чего зародившийся в горле смех про-

ник в трубку и вылетел из нее вместе с дымом в раскрытое окно.

.....

Риторические вопросы не нуждаются в ответах , надо стиснув зубы продолжать жить проходя по одним и тем же пройденным маршрутам, по все тем же неприбранным дворикам и дворам, под взглядами чужих и чуждых ему людей чтобы однажды свершилось чудо. Однажды... И тогда...

Он улыбнулся легкой, едва заметной улыбкой, перевернул лист, и на обратной стороне, там, где было написано слово Смирение, написал: Сила.

ЭЛЬ ХАЗНЕ

Руки. На руках линии миров. Линии путей, перепутий, распятий времени. Созвучие и звук. За пределом скоростного шоссе мозаика твоего пути, по которому ты идешь сам. По которому надо идти, потому что так надо даже если....

*Лица. Дороги. До –
Предела, отвращенья.
Но Дом.
Ты носишь в своей Душе.
В личном своем багаже...*

Слова несовершенного стиха, с которым не соглашаешься сам. И вот перед тобой вырастает древний город. Песчаное дно под стопами небес. Колонны Титанов опираясь на землю невидны потому, что громадны. Облака принимают формы... Чувствование... Древний город и колонны над ветром и песком. Город Петра высеченный в скалах гораздо младше Египетских Пирамид но не менее не постижимый. Эль Хазне. Ветер поднимает в воздух песок. Песок принимает форму. Лик.

Лицо. Мгновение вне времени застывшее в объективе фотоаппарата и отпечатанное на снимке. Древний мир не ушел в никуда. Он никуда не ушел. Он здесь. Рядом с вами. Рядом со мной. Он это вы...

ГОРА НЕБО

Гора Небо, взгляд, уходящий вдаль, вглубь самого себя, в глубину времени и в высоту небес под раскаленным солнцем еще не дошедшим до своего зенита. Только, что не было никого и вдруг — голос. Девушка за моей спиной стоит на скале... Она спрашивает меня на другом языке. «Dove si trova la strada?» спрашивает она? Где та дорога? Я не знаю. Там Иерусалим говорю я и показываю в сторону горной цепи, за которой находится город.

Она улыбается. От ее улыбки исходит свет. Кто она? Ангел? Вестник, дающий мне знак? Тогда почему спрашивает меня? Там говорю я Иерусалим и снова указываю в сторону гор. В ясную, солнечную погоду с горы Небо — Har Nevo. Говорят можно увидеть Иерусалим...

ПРАЗДНИК АВГУСТА

Праздник Августа начинается еще в Апреле. Когда первые лучи солнца обещают тепло. Когда солнечный свет проникает в комнату сквозь занавешенные шторы. Когда солнце входит в зодиакальный знак овна, в котором обладает огромной силой.

А в августе, когда солнце входит в созвездие льва-праздник. И после того, когда уже не август, а сентябрь вступает в свои права праздник Августа остается. Остается золотом на листьях, солнечным светом, цветом и теплом...

БЕЛАЯ НОВЕЛЛА

Книги влияют на людей. Влияют, бесспорно. Реальность и вымысел переплетаются, гармонично дополняя друг друга. Мосты между мирами. Людями. Книгами и людьми. «Ангел западного окна» Густава Майринка. «Бессмертие» Милана Кундеры. Проза Милорада Павича.... Стихи Милорада Павича, словно дым, выпущенный из раскуренной им сербской трубки, поднимаются вверх к райским рекам, о которых он говорит, и к берегам которых уже подходит. Сон наяву.

Текст. Гипертекст. Особенное пространство, где писатели и их произведения встречаются. Там, где сходятся все времена. Листопад, снегопад и цветенье. Поэзия, стихия, стихи. Древняя Роза в руках. На руках. Ни одной слезинки не бежит по щеке, по щеке, по щеке...

Но рождается новое стихотворение и продолжается жизнь. Внезапно, из ниоткуда, приходит образ старого пианино, которое стояло в углу комна-

ты. Пианино, на котором некому было сыграть вдохновенно музыку Баха или Бетховена. Ноты разметал ветер. Бабушка сидит в кресле и вяжет шерстяной свитер. Когда просыпаешься, в комнату проникает солнечный свет, и ты вдруг необъяснимым образом чувствуешь себя счастливым. Музыка рядом с тобой, в тебе и вокруг тебя. В солнечном свете и стихах.

Даже если на перекрестках запах бензина, дешевых духов и вопреки всему расцветающих деревьев. Тогда и теперь. Голуби пытаются взлететь над зданием торгового центра. Воробьи пытаются поймать свои отражения в лужах после прошедшего над городом дождя. Простота и безыскусность. Пейзаж без претензии на сюжет.

Я иду по этим улицам проговариваю новое, распускающееся, как цветок, стихотворение. Записываю его и ставлю многоточие.

Так продолжается жизнь...

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Григорьев. Имаджинариум
Юрия Авреха. Ключи от Праги 3

О мире проявленном и мире сокрытом.

Избранные стихотворения 2003-2013.. 11

Вестник 13

В холодном, ноябрьском небе 14

Зимняя роза в конце ноября 15

Ночь пришла, и исчез замечательный
день 16

Нарисуй художник такую картину 17

Дождливым было лето 18

Я помню какое. Лицо неземное 19

Может в прошлом я был 20

Открыта настежь дверь в страну чудес . 21

Сострадание, нежность и радость 22

Аз и Алеф 25

Сокрытый мир открыт и осязаем . . . 25

Июльское утро глубинным живет 26

Осень на крыльях прозрачных
спустилась 27

Ходит осень на цыпочках тихо . . . 28

Осеннее действие. Солнцестояние . . . 29

Когда ангелы плачут, на земле
идет дождь 30

Там, где птица поет неведьмица 31

В городе на Неве грезятся дни о славе .. 32

У часовни 33

Есть Истина, но не в вине	34
Осень доходит до пика	35
Выпей немного вина.....	36
Петербургское небо	37
Август 2008	38
К чему комментировать стихи	40
Ворон на Вышеграде	41
Оденься, как денди красиво	42
Ни в тоске ни в лоске	42
Сегодня мне снова приснилась Прага ..	43
Стихотворенье с июнем	45
На окраине здесь я с Тобой при луне ..	46
Осенний день уравновешен	47
Духовный мир иначе видит всех	48
Незримый мир существует в мире	49
Стихи из Пражского Града (Поэма)...	51
<i>Часть Первая</i>	53
I. День в Пражском Граде солнцем озаглавлен.	56
II. Я люблю тебя, очарованный город Прага	57
III. Деревья занавешены тишиной и легким	58
IV. Я записываю и пишу, но это не части речи	59
V. Слово «честь» будто вычеркнуто . . .	60
VI. Полнолуние в Праге. Над Прагой-Пять	63
<i>Часть вторая</i>	63
VII. Белое облако, наполненное	63

VIII. На Кутную Гору пришел Апрель . . .	64
IX. Франтишек Ринт	65
X. У храма святой Варвары	66
XI. В страстную пятницу я был на Кутной горе	67
XII. Свет играет на листьях зеленых . . .	68
XIII. Продавщица отсчитает сдачи	69
XIV. Девушка пела в еврейском гетто . .	70
XV. Я помню снег, он был в глазах твоих . .	71
<i>Часть Третья</i>	72
XVI. Костел	72
XVII. Вокруг собора святого Вита	73
<i>Часть четвертая</i>	74
XVIII. Я люблю тебя Прага с таких времен	74
XIX. Я любил тебя, Прага, тогда, и люблю теперь	75
XX.любимый мой город, Прага. Прага. Прага	78
XXI.И много позже после Праги	79
<i>Часть пятая</i>	81
XXII. Зима две тысячи тринадцатого года	81
XXIII. После полуночи	82
XXIV. Когда завершился дождь	83
XV. Другая Прага	85
XVI. И когда опускаются сумерки	86
XVII. Полдень в Градчанах	87
PostPragensis. Стихотворения в прозе	89
Post Pragensis	91

Всегда рядом	95
Дорога к слову	98
Эпизод с Розой	107
«Господин Петер»	110
Серафим	113
Разворот	115
Эль Хазне	117
Гора Небо	119
Праздник Августа	120
Белая новелла	121

Юрий Аврех

Стихи из Пражского Града

Свое издательство
199053 Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 42
(812) 612-18-81
<http://isvoe.ru>
editor@isvoe.ru

Подписано в печать 31.05.2013
Гарнитура Bookman Old Style
Тираж 100 экз. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Формат 70×100/32
Заказ № 593
Отпечатано в собственной типографии
«Своего издательства»